

Национальный гений

ГОГОЛЬ — одно из самых дивных явлений русского художественного гения. Только великий народ мог дать миру такого великого писателя.

Гоголь — художник совершенно самобытный, небывало оригинальный. Он вышел из стихии народной сказки и народной песни.

Пушкин как-то записал в своем дневнике: «Вчера Гоголь читал мне сказку, как Ив. Ив. поссорился с Ив. Тимоф. — очень оригинально и очень смешно».

Как видите, у Пушкина здесь описка: Иван Никифорович назван Иваном Тимофеевичем. Но есть еще и другая обмолвка: повесть Гоголя названа сказкой.

Лично я уверен, что это не обмолвка и не описка. Думаю, что Пушкин вполне сознательно назвал повесть Гоголя о двух миргородских обывателях сказкой.

При всей ее бытовой достоверности, жанризм, она по духу своему, по кисти в значительно большей степени сказка, чем повесть. В ней житейская пошлость и сами характеры героев доведены до чисто сказочных, фантастических масштабов.

И Пушкин это безошибочно почувствовал. Он гениально проник в самое существо Гоголя-художника и с волшебной точностью определил излюбленную литературную форму Гоголя. Не повесть, а именно сказка. Почти все написанное Гоголем более всего похоже на сказку, начиная с «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Миргорода» и кончая «Мертвыми душами». Они все населены характерами поистине сказочными.

Не будем говорить о Вие, панночке, красной свитке, Басаврюке, черте, укравшем месяц, ведьме с отрубленной рукой, мертвецах, грызущих друг друга на дне пропасти. Они являются в прямом смысле персонажами сказочными, заимствованными из народного творчества.

Но возьмем даже персонажей «Мертвых душ» или «Ревизора». Ведь это тоже характеры поистине сказочные, хотя и взятые не из народной старины, а из окружающей Гоголя действительности, что несколько не помешало их сказочности. Реализм несколько их противоречит фантастике. Больше того, мне думается, что сказка в самой своей основе реалистична. Верна жизни.

«Народ не выдумывал; он рассказывал только о том, чему верил...» — пишет Афанасьев в предисловии к собранию русских народных сказок! Народ «не отважился дать своей фантазии произвол, легко переходящий должные границы и увлекающий в область страшных, чудовищных представлений».

В этом различие между фантастикой истинно народной и фантастикой кабинетной, высосанной из пальца, декадентской, действительно дошедшей до «страшных, чудовищных представлений».

Фантастика Гоголя реальна, хотя характеры, созданные им, сказочны. Но именно поэтому-то они и реальны, что сказочны, точнее сказочно преувеличены.

Уж если Хлестаков врет, то врет сказочно! Коли Ноздрев наглец, то сказочный наглец. Если Плюшкин скуп, то он скуп, как царь Кашей, который «над златом чахнет»... У Гоголя все реально, и вместе с тем все сказка. Если арбуз — то в семсот рублей арбуз. Если курьеры, то 35 000 курьеров. Если взятка — то взятка сказочная: не чем-нибудь, а борзыми щенками. Если лошадь — то розовой или голубой шерсти.

Господи, боже мой! А дура Коробочка? А Яичница? А Держиморда? А дама просто приятная и дама приятная во всех отношениях? Даже на секунду появившийся в первой главе «Мертвых душ» молодой человек в белых канифасовых панталонах, весьма узких и коротких, во фраке с покушениями на моду, изпод которого видна была манишка, застегнутая тульскою булавкою с бронзовым пистолетом! А битежник с лицом, как замовар из красной меди, но с черною, как смола, бородою!

Но и героические фигуры Гоголя также сказочны, легендарны, былинны. Чего стоит один Тарас Бульба — величайшее создание гоголевского гения, равного которому еще не видел мир.

Все это так. Но это не самое главное. Самое важное заключается в том, что в народных сказках всегда присутствует высокое нравственное начало. Понятие о добре и зле. О правде и кривде. Именно это высокое нравственное чувство, которым как бы пропитаны все творения Гоголя, и ставит его на огромную высоту, как художника воистину народного и национального: великого писателя России.

Гоголь обладал совершенной писательской аппаратурой. У него было острее зрение, тончайший слух, изумительное осязание, словом, все пять внешних чувств, обостренных и доведенных до совершенства. Но, кроме этого, он еще обладал, может, самым драгоценным для всякого подлинного художника словом — шестым чувством: чувством внутренней музыкальности, ритма.

Гоголь был музыкант до кончиков ногтей. И этим он, несомненно, был обязан стихии дивной народной украинской песни, под звуки которой засыпал, еще лежа в своей младенческой колыбели, и которая потом всю жизнь звучала в его удивительной, израненной душе.

Приемом народной сказки, положенной на музыку народной песни, Гоголь изображал окружающий его мир, современное ему общество.

Язык Гоголя по-народному груб и местами сыр. Но художник творил из него истинные чудеса. Нет равного Гоголю в мировой литературе по умению изобразить предмет, построить гениальную метафору.

Я помню, как однажды ко мне прибежал взволнованный Есенин:

— Слушай, ты давно читал «Мертвые души»? Там есть одно совершенно гениальное, изумительное, неслыханное ме-

сто. Понимаешь, там у Гоголя — дороги расплзались во все стороны, как пойманные раки, когда их высыпят из мешка! Вот это, брат, настоящий имажинизм! Не нам чета!

Есенин тогда увлекался имажинизмом и, вероятно, был крайне поражен, что у Гоголя много лет назад метафоры были куда лучше.

Впрочем, кто из нас, открыв в сотый раз Гоголя, не удивлялся вдруг невероятной силе его образов, дьявольской магии его изображения. Метафоры Гоголя всегда поражают, их воспринимаешь как прочитанные впервые.

«Шум от перьев был большой и походил на то, как будто бы несколько телег с хворостом проезжали лес, заваленный на четверть аршина иссохшими листьями».

«Чичиков увидел в руках его графинчик, который был весь в пыли, как в фуфайке».

Поразительная пластика!

Силу влияния Гоголя испытали на себе целые поколения русских писателей, в том числе и лучшие советские мастера. Например, Маяковский, который много раз прибегал в своих стихах к чисто гоголевским преувеличениям:

Я знаю силу слов, я знаю слов набат.
Они не те, которым рукоплещут ложи.
От слов таких срываются гроба
шагать четверкою своих дубовых ножек.

Эти срывающиеся гроба, — конечно, могучая реминисценция из гоголевского «Вия».

Изобразительная сила Гоголя равнялась силе его обличительного таланта. Поэтому его художественные произведения так беспощадно разили пороки современной ему николаевской России, страшный мир Хлестаковых, Городничих, Ляпкиных-Тяпкиных, Чичиковых, Ноздревых, Собакевичей и великого множества им подобных монстров: взяточников, ябедников, доносчиков, плутов, тунеядцев, крепостников, небокоптителей, имеющих лишь весьма условное человеческое подобие.

«...Давно уже не было в мире писателя, — писал Чернышевский, — который был бы так важен для своего народа, как Гоголь для России».

Но и в наши дни, когда свободные народы Советского Союза вплотную приступили к построению коммунизма, творчество Гоголя, величайшего русского писателя-реалиста, не устарело. Оно продолжает жить, помогая бороться с пережитками прошлого в сознании наших людей.

И не только это.

Творения Гоголя доставляют нам неиссякаемое эстетическое наслаждение и наполняют наши сердца гордостью за великий русский народ, давший миру такого гениального художника слова, поэта и сказочника, как наш бессмертный Гоголь. Вечная ему слава!

Валентин КАТАЕВ

2 АПР 1959

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
г. Москва